
Море обнимет
18+
Крис Ли

Крис Лисов

Море обнимет

«Автор»
2026

Лисов К.

Море обнимет / К. Лисов — «Автор», 2026

Это история о том, как одна дверь захлопывается, а другая — открывается. Не сразу. Не по щелчку. А через боль, тишину и пустые банки на подоконнике.Она привыкла быть тенью в чужой квартире. Он привык её не замечать. Но когда воздух становится слишком тяжёлым, чтобы дышать, остаётся только одно — бежать. Туда, где море не задаёт вопросов, где ветер сбивает мысли, а время перестаёт быть врагом.Случайный город. Чужие берега. Люди, которых не ждала, но которые оказываются ровно там, где нужно. Две недели на двоих — или семь дней, которые меняют всё. Разговоры без смысла и сны без сценария. Стихи, написанные на салфетках, и рисунки, в которых прячется свет. И ночи, когда тишина становится громче слов.Но что, если свобода — это не пункт назначения, а способ дышать? Что, если дом — это не стены, а те, кто видит тебя настоящую? И что, если самое важное путешествие — это не на карте, а внутри?

© Лисов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Пролог 7
Глава 1 12
Глава 2 16
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Крис Лисов
Море обнимет

Пролог

Плейлист
Даниил Ким – моя любовь мертва
Гуша Катушкин, Маша Чайковская – Эхо тысячи вокзалов
Марина Кацуба – под асфальт
XOLIDAYBOY – Пожары
Просто Лера – Быть любимым
Глеб Калюжный – Закрывай на секунду глаза
Комната культуры, Женя Трофимов – море
WHITE GALLOWS, Ева Барац – Море обнимет
тринадцать карат – реквием по любви
Ёлка – в этом городе
Рося Федин – Не волнуйся
навздохе – просто люби
Саша Солнцева – К морю
XOLIDAYBOY — Люмены
Саша у моря — вдали от дома
Мартин – будь моим солнцем
Мартин – жду тебя
Luverance — Душа моя
Валентин Стрыкало — Яхта, парус
Свят — Моя любовь к тебе
Эндшпиль — Приятная
Тима Белорусских — Мечты
Даниил Ким – разбуди одиночество
Даниил Ким – за каждое люблю
PLVKSA – поменяю на люблю
наше последнее лето – по частицам
MONA – Верю в любовь
ФОГЕЛЬ, Канги – сердце поёт
Akmal' – любовная
XOLIDAYBOY — мы не будем спать
baur carbon — тысячу раз полюбить тебя
ЛС — Серый Питер

Пролог

Даниил Ким – моя любовь мертва

За окном город размокал, теряя очертания, — будто его рисовали углём по мокрой бумаге: серые крыши, мокрые ветви, струи дождя, размывающие силуэты автобусов, пешеходов, зданий. Крис стояла у окна с банкой энергетика в руках и следила за одной-единственной каплей, что ползла по стеклу. Холодный металл приятно холодил пальцы, и она чувствовала, как горько-сладкая жидкость обжигает горло, разливаясь по телу искусственной бодростью.

Она знала, что это не полезно. Знала, что кофеин и таурин — плохая замена нормальному сну и отдыху. Но последние месяцы без этой банки в руках она не могла проснуться по утрам. Не могла заставить себя встать с кровати и прожить ещё один день в этой квартире, где воздух стал тяжёлым, как свинец.

Когда капля достигла края стекла, на кухню зашёл Никита. Крис не обернулась. Она знала: он стоит в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, и смотрит на неё с той смесью усталости и раздражения, что давно стала привычной. Тишина стояла такая, что слышно было, как шипит открытая банка в её руке. Она чувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, осуждающий, как всегда, когда он видел её с этой банкой.

— Опять, — сказал он. В голосе не было вопроса — только констатация, тягучая, как резина. — Ты опять пьёшь эту дрянь.

Она медленно повернулась. Её пальцы, унизанные кольцами, сжали банку чуть крепче. Она сделала ещё один глоток — чтобы выиграть время, чтобы горьковатый привкус на языке притупил горечь его слов. Она знала, что сейчас начнётся. Он всегда начинал, когда видел энергетик в её руках.

— Тебе не кажется, что это уже слишком? — продолжил он, и его голос стал холоднее. — Ты пьёшь эту химию каждый день. Это не нормально, Крис. Это не женственно. Что ты пытаешься доказать? Что ты можешь не спать сутками и всё равно быть продуктивной? Ты разрушаешь себя, а даже не замечаешь.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё поднимается что-то тёмное. Знакомая злость. Та самая, которую она так долго подавляла. Её руки, унизанные кольцами, слегка дрожали, и она знала — он видит это. Он всегда замечал её слабости. Использовал их против неё.

— Я не хочу сегодня это обсуждать, — сказала она, и её голос прозвучал тихо, но твёрже, чем она ожидала.

— Конечно, — усмехнулся он одними губами — глаза остались чужими, как два ледяных осколка. — Ты никогда не хочешь это обсуждать. Ты просто продолжаешь пить эту дрянь и делать вид, что всё в порядке. А я смотрю на тебя и не понимаю, что с тобой стало.

Он прошёл к столу, отодвинул стул, сел напротив, положив руки на столешницу. На запястье блеснули часы — подарок её родителей на прошлый Новый год. Она смотрела на них и думала о том, как легко вещи становятся частью чужих привычек, как стираются границы между «твоим» и «моим», пока не остаётся только пустота. Она сделала ещё один глоток энергетика, чувствуя, как жидкость обжигает горло, и поставила банку на подоконник. Металл звякнул о стекло, и этот звук показался ей слишком громким в тишине кухни.

— Ты думаешь, я не замечаю? — сказал он, и в его голосе появилась та самая интонация, от которой у неё всё сжималось внутри. — Ты спишь по четыре часа, пьёшь эту гадость, чтобы не упасть, и при этом говоришь, что всё в порядке. Ты не в порядке, Крис. Ты давно не в порядке.

Она хотела ответить, что он сам не замечает, как она пытается выжить. Что он не видит, как она борется с тем, чтобы просто встать с кровати каждое утро. Что энергетик стал её един-

ственным способом чувствовать себя живой в этом доме, где воздух пропитан его молчанием и её болью. Но вместо этого она отвела взгляд к окну. Капля исчезла, остался лишь мокрый след, который быстро высыхал, как высыхают последние надежды. В груди застряло что-то острое, как осколок чашки. Ей отчаянно хотелось, чтобы он подошёл и обнял её, — вместо того чтобы сидеть с таким лицом, будто он судья на её процессе.

— Дело не в банке, — тихо произнесла она, и в её голосе дрогнула та самая уязвимость, которую она так ненавидела. — Дело в том, что ты перестал видеть меня. Ты видишь только то, что тебе не нравится. Энергетик, свет в ванной, мусор, который я не вынесла. Ты перестал видеть меня, Никита.

Он сжал челюсти, желваки заходили под тонкой кожей, но он не нашёл слов. Его взгляд скользнул по её лицу, остановился на банке, которую она оставила на подоконнике, и она видела, как его глаза потемнели. Он смотрел на неё, и Крис видела, как его взгляд цепляется за привычные детали: её сжатые пальцы, тень на подбородке, старый свитер с потёртым воротом. Он узнавал её внешне, но, казалось, давно перестал узнавать внутри.

— Дело в тебе, Крис, — сказал он, и в его голосе появилась та самая ледяная нотка, которая всегда предвещала конец разговора. — В том, что ты стала другой. Ты раньше никогда не пила эту дрянь. Ты была другой. А теперь ты просто... другая.

Она усмехнулась — горько, с привкусом желчи, который смешался с привкусом энергетика на языке. Её пальцы, унизанные кольцами, сжали подоконник так сильно, что костяшки побелели.

— Другая, — повторила она, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты прав, я другая. Я перестала быть той, кто тебе удобен. Той, кто молчит, когда тебе не нравится её энергетик. Той, кто улыбается, когда внутри неё всё рушится. Я просто устала, Никита. Устала быть твоей тенью.

Он резко встал из-за стола. Крис знала, что за этим последует очередное хлопанье дверью. Она взяла банку с подоконника — холодный металл обжёг пальцы — и сделала ещё один глоток. Горько-сладкая жидкость обожгла горло, но она уже не чувствовала вкуса. Только холод. Только пустоту.Он остановился у двери, не оборачиваясь. Его плечи были напряжены, как струна.

— Я не знаю, как с тобой говорить, — сказал он, и в его голосе проскользнула усталость. — Каждый раз, когда я пытаюсь, ты смотришь на меня как на незнакомца. В твоём взгляде только один вопрос: «Ты кто и почему здесь?» И я не знаю, что тебе ответить.

— Потому что ты больше не знаешь, кто я, — сказала она тихо, но её голос прозвучал отчётливо в тишине кухни. — Ты смотришь на меня, но видишь только то, что хочешь видеть. Банку энергетика. Свет в ванной. Список моих ошибок. Ты перестал видеть меня, Никита. И я устала напоминать тебе, что я существую.Он повернулся. Впервые за месяц Никита подошёл к ней, а не к плите или шкафу. Он сел на край стула напротив, ссутулившись, и Крис увидела, как под глазами у него налились тени, как глубоко провалились скулы. Он хотел сказать что-то ещё, но она опередила. Её пальцы сжали банку так сильно, что металл слегка прогнулся.

— Ты ведь не останешься, — сказала она. — Ты всегда уходишь. Потому что легче уйти, чем остаться и признать, что ты не можешь меня изменить. Что ты не можешь контролировать меня. Что я не буду пить твой чёртов чай, потому что он тебе нравится. Я буду пить то, что помогает мне выжить. Даже если это «химия». Даже если это «не женственно». Это моя жизнь, Никита. И я хочу чувствовать себя живой.

Он закрыл глаза. Ресницы дрогнули. Его лицо, когда-то такое родное, стало чужим — она видела его словно впервые. И в этом первом взгляде не было любви. Только усталость.

— Я не ухожу, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая же усталость. — Я прячусь. Потому что когда я смотрю на тебя с этой банкой в руках, я не узнаю тебя. Я помню, какая ты была — без этих татуировок, без этих цепей, без этой зависимости от кофеина. А теперь ты здесь, и я не знаю, что тебе сказать. И это... это хуже, чем если бы ты была чужой.

— Значит, ты прячешься, — сказала Крис, и её голос стал твёрже. Она встала, опираясь о подоконник, и почувствовала, как холодный металл банки согревается в её ладони. — Но за кого, Никита? За меня? Или за того, кем ты был, когда решил, что я — твоя ошибка? Что ты можешь исправить меня, если будешь достаточно строг?

Он вскочил.

— Я не решал! Ты сама меня вычеркнула, когда перестала слушать. Каждый раз, когда я пытаюсь поговорить о тебе, ты просто закрываешься. Ты пьёшь свою химию и делаешь вид, что всё в порядке. А я смотрю на это и не понимаю, как ты дошла до такого.

— Я дошла до такого, потому что ты меня сломал! — голос сорвался на крик. Она сжала банку так сильно, что металл прогнулся под пальцами. — Ты сказал мне, что мои стихи — это детство. Ты сказал, что мои татуировки — это безвкусица. Ты сказал, что я должна быть другой, что я должна пить чай, а не эту «дрянь». Но я не хочу быть другой! Я хочу быть собой! Даже если это значит пить энергетики по утрам. Даже если это значит иметь татуировки. Даже если это значит быть неудобной для тебя!

— Исчез? — он схватил банку с подоконника и швырнул о стену. Жидкость брызнула по обоям, разлетаясь, как осколки их отношений. — Вот что я чувствую! Ты выбираешь эту химию вместо меня. Ты выбираешь татуировки вместо того, чтобы быть нормальной. Ты выбираешь всё, что я ненавижу. И ты делаешь это нарочно!

Крис отшатнулась. Её трясло, но она держалась. Она смотрела на мутное пятно энергетика, расползающееся по обоям, на пустую банку, валяющуюся на полу, и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Последняя нить, которая связывала её с этим человеком. Она чувствовала, как в её руках больше нет ничего — ни банки, ни надежды.

— Нарочно, — повторила она, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты думаешь, я делаю это нарочно? Чтобы тебя разозлить? Нет, Никита. Я делаю это, чтобы выжить. Потому что без этой «химии» я бы уже давно рухнула. Потому что ты не даёшь мне сил. Ты забираешь их. Каждый день. Каждым словом.

Она замолчала, глядя на мутное пятно на обоях, на пустую банку, которая покатилась по полу и остановилась у ножки стола. Никита шагнул к ней, и она увидела, как его рука поднялась — не замах, а жест, полный отчаяния. Но она уже не смотрела. Она вылетела в спальню так, что дверь сама захлопнулась за ней.

Спальня приняла её глухим стуком двери. Крис привалилась к створке, как к единственной опоре. Её дыхание было рваным, прерывистым. Она слышала, как он бьёт кулаком в косяк, но не оборачивалась. Она смотрела на свои руки — пустые, дрожащие, без банки. И чувствовала, как внутри неё разрастается пустота. Та самая, которую она пыталась заполнить кофеином. Которая не заполнялась ничем.

Она подошла к шкафу и вытащила сумку на середину комнаты. Потом села перед ней, как перед открытой раной, и начала перебирать вещи — медленно, впервые за вечер. Свитер, который он подарил на прошлый Новый год. Джинсы, в которых она ходила на его первую выставку. Зарядка, вечно валявшаяся у него в машине. Она складывала их аккуратно, но каждое движение напоминало: это не сборы в дорогу, а разборка с тем, что осталось.

Она не знала, сколько прошло времени. Минуты. Часы. Она слышала, как он ходит по кухне, как что-то гремит на кухне, как стихают шаги. Потом — хлопок двери. Такой громкий, что задрожали стёкла. Этот звук остался в ней дольше, чем его шаги на лестнице.

Крис сидела на полу, прижимая колени к груди, и смотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Она чувствовала, как внутри неё — там, где была пустота, — появляется что-то новое. Боль. Злость. Решение. Она вспомнила, как он швырнул её банку о стену, как разлетелись капли, как он смотрел на неё с ненавистью. Она вспомнила, как он говорил, что это «не женственно», что она «разрушает себя». Но он не понимал — она разрушала себя задолго до

того, как начала пить энергетики. Она разрушала себя каждый день, когда просыпалась рядом с ним и не узнавала себя в зеркале.

Телефон завибрировал. Сообщение от него: «Я не вернусь». Она прочитала и положила экраном вниз. Не потому, что было больно, а чтобы проверить: появится ли следующее. Его не было. Через час — опять тишина. Тогда она поняла: он не перестал махать. Он просто устал махать в закрытую дверь. Но это не значило, что он готов остановиться. Это значило, что он ждал, когда она откроет первой.

Крис набрала номер подруги Аси с третьего раза — пальцы не слушались, промахивались мимо экрана. Гудки шли долго, она уже хотела сбросить, когда в трубке щёлкнуло.

— Крис? Ты чего в такое время? — голос Аси был сонным, но тревога проснулась быстрее, чем сама Ася.— Он ушёл, — выдохнула Крис и поняла, что плачет. Слёзы пришли внезапно, будто только и ждали разрешения. — Совсем ушёл. Я даже не поняла, что мы поссорились из-за ерунды. Из-за энергетика. Просто энергетик. А он хлопнул дверью.

Ася молчала несколько секунд. Крис слышала, как она ворочается на кровати. Потом подруга сказала тихо, без привычной иронии:

— Я сейчас приеду. Адрес помню. Не двигайся, слышишь?

— Не надо, — попыталась возразить Крис, но в голосе не было сил. — Уже поздно.

— Вот именно. Поздно. Поэтому я еду. Я приеду, и мы выпьем чай. Настоящий. Без всякой химии.

Крис невесело усмехнулась, вытирая щёки тыльной стороной ладони. Она знала: Ася не станет задавать вопросов, разбирать по косточкам каждое слово Никиты. Она просто приедет, сядет рядом, и станет чуть легче. И в этом была вся Ася.

Крис отложила телефон и пошла на кухню. Включила чайник, села на подоконник, обхватив колени руками. В комнате было темно, только свет из окна рисовал жёлтые полосы на линолеуме. Она смотрела на дверь, за которой Никита исчез, и пыталась вспомнить, с чего всё началось. Но память подсовывала лишь обрывки: его раздражённое лицо, брошенную фразу, собственный крик — нелепый, громкий, не её. И пустая банка энергетика, которую он швырнул о стену. Она до сих пор видела её — мятую, валяющуюся у ножки стола.

Когда в домофон позвонили, Крис даже не вздрогнула. Просто встала и открыла. Ася стояла на пороге в спортивных штанах и куртке поверх пижамы, с мокрыми от дождя волосами. Молча обняла, пахнувшую улицей и чем-то родным, и прошла на кухню, как будто бывала здесь сотни раз.Они пили чай, и Ася не спрашивала. Она рассказывала про свою дурацкую смену, про кота, который скинул цветок с подоконника, про то, как опять забыла купить сахар. Крис слушала и чувствовала, как внутри отпускает — не всё сразу, но по чуть-чуть. Она даже улыбнулась, когда Ася начала ругать погоду за то, что та испортила её единственные сухие кроссовки.

— Слушай, а поехали на море, — вдруг сказала Ася, отхлебнув остывший чай. — Мне надоело, что мы только и делаем, что переживаем из-за работы и котов. И знаешь, что там есть? Солнце. И никаких энергетиков. Только море.

Крис отставила кружку и посмотрела на подругу. В голове промелькнуло: «Мы же не планировали, да и сезон почти закончился». Но вслух спросила:

— А когда?

— Да хоть в пятницу после смены. Сегодня же среда, — Ася глянула на часы. — Послезавтра. Успеем подготовиться. Я возьму отгул, ты тоже можешь. Сядем на самолёт, а утром будем смотреть на волны. — Ася говорила быстро, будто боялась, что Крис передумает, если сделать паузу. — Я уже сто лет не видела море. И ты тоже.

Крис подумала о графике, недоделанных отчётах, о том, что придётся искать кого-то на подмену. Но потом вспомнила, как устала за последние месяцы, как давно не делала ничего просто так, без причины. Вспомнила, как он швырнул её банку о стену. И согласилась.—

Ладно. Только если ты купишь сахар, иначе будем пить чай без него. — Она улыбнулась, и Ася засмеялась в ответ.

Они начали планировать: что взять, когда выйти, какие билеты смотреть. Ася уже открывала телефон, Крис доставала блокнот. В этой дурацкой суете с сахаром и отгулами вдруг почувствовалось: дышать можно, даже если дверь хлопнула. План поездки на море стал первым за месяц, что не пахло ссорой.Крис проводила подругу до двери, и уже на пороге Ася обернулась:

— Значит, в пятницу. Я закажу такси к девяти утра. Ты как?

— Буду готова, — ответила Крис, и впервые за долгое время она не соврала.Захлопнув дверь, она посмотрела на пустую банку энергетика, валяющуюся под столом, и вдруг поняла: она не хочет её поднимать. Пусть лежит. Как напоминание.

Глава 1

Ася

Гуша Катушкин, Маша Чайковская – Эхо тысячи вокзалов

Среда прошла как в тумане — работа, звонки, отчёты. Я успела выпросить отгул на пятницу, позвонить маме насчёт Кузи и даже заскочить в магазин за солнцезащитным кремом. А ещё я думала о Крис. О том, как она стояла у окна с пустыми глазами. И о том, что пятница станет днём, когда мы обе выдохнем.

Пятница. Влетаю в прихожую, как штопор, — куртка летит на вешалку мимо, ноги уже несут в душ.Терпеть не могу опаздывать, поэтому взяла на работе отгул с запасом — чтобы спокойно, не дёргаясь, подготовиться. Но «спокойно» и «я» — два антагониста, которым не суждено встретиться в одной Вселенной.

Сначала я проспала. Причём так сладко, будто меня усыпили, а не я сама отключила будильник. Во-вторых — Кузя. Мой лысый, обожаемый кото-ребёнок, которого я должна сдать маме на передержку. Мы договорились заранее, но я же помню: мама терпеть не может кого-то ждать. А Кузя, зараза, утром разлил воду на пол, и я полчаса вытирала лужи вместо того, чтобы собираться. Его огромные глаза, полные невинности, смотрели на меня с подоконника, пока я орудовала тряпкой, и в этом взгляде читалось: «Я просто хотел пить, а ты — злая тётя».

Потом, уже когда я возвращалась от мамы, случился эпичный пробочный затор. Всё из-за одного героя на колымаге, который явно перепутал мокрое шоссе с трассой «Формулы-1». Итог предсказуем — его железное корыто знатно приложилось к бетонному отбойнику. Я, если честно, даже не расстроилась. Ну серьёзно: кто в такую видимость, когда за окном каша из тумана и брызг, пытается выжать сто двадцать? Поделом, как говорится, но маршрут — коту под хвост. Ладно, сейчас главное, что Кузя уже у мамы.

Домой забегаю уже с пониманием, что чемодан стоит пустой, как моя голова после этого утра. Рывком в душ — ледяной, бодрящий, чтобы стряхнуть сон и эту липкую суету. Вода смывает усталость, но не тревожное чувство, что я точно что-то забываю.

Выхожу мокрая, замотанная в полотенце, и нависаю над открытым чемоданом. Внутри — тишина и пара носков, случайно завалявшихся с прошлой поездки.

— Купальник, — говорю я в пустоту комнаты, будто она может мне подсказать. — Нет, купальники. Вдруг один не высохнет. Или порвётся. Или я просто хочу выбирать между бирюзой и чёрным.

Тянусь к шкафу — и выуживаю целый пакет с пляжным добром, который даже не открывала после прошлого лета. Заглядываю внутрь и понимаю: там два купальника, парео и маска для снорклинга, которую я обещала себе использовать три года назад.

— Вот видишь, — шепчу себе под нос, — подсознание уже всё решило за тебя.

Чемодан медленно, но верно наполняется. До выезда из дома остаётся ещё около часа, и я клянусь себе, что в этот раз никаких форс-мажоров. По крайней мере, до того момента, пока не вспомню, где лежит зарядка от телефона.

А она, конечно, не лежит. Ни в тумбочке, ни в кухонном ящике, ни даже в том странном отделении рюкзака, куда я обычно сую всякий хлам наудачу. Я мечусь по комнате, как загнанная лань, и в какой-то момент застываю посередине гостиной, прислушиваясь к себе. Тишина. Только часы тикают — насмешливо, отмеряя минуты до моего позора.

Зарядка находится в самом неожиданном месте — в кармане куртки, которую я скинула в прихожей. Выдыхаю, втыкаю телефон в розетку и продолжаю хаотичный танец сборов.

Зубная щётка, паста, расчёска, аптечка, в которой есть всё, кроме нужных таблеток — их я тоже обнаруживаю с трудом, на дне старой косметички. Победа даётся мне с боем, но я

выуживаю заветный блистер, зачем-то целую его и кидаю в боковой карман рюкзака. На всякий пожарный.

Чемодан начинает напоминать слоёный пирог: джинсы соседствуют с платьями, футболки втиснуты между кроссовками. Я смотрю на это великолепие и понимаю, что половину точно не надену. Но брать меньше — не про меня.

Телефон пиликает сообщением от мамы:«Кузя освоился. Уже требует рыбу. Лети спокойно, я справлюсь. Только вернись живой и загоревшая)»

Я улыбаюсь, сбрасываю ответ в виде смайлика с пальмой и откладываю телефон. На часах — без двадцати четыре. Кристина должна подъехать через полчаса. Всё под контролем. Почти.

Перечитываю вещи по списку, набросанному накануне. Паспорт — на месте, билеты в телефоне — на месте, деньги и карты — тоже. Проверяю дважды. Потом трижды. Закрываю чемодан, сажусь на него сверху, чтобы застегнуть молнию, и слышу, как внутри что-то жалобно хрустит. Чайник? Нет, чайника я не брала. Плюю на хруст — застегнуто.

В прихожей уже ждут лёгкая ветровка, кеды и рюкзак с важными мелочами: наушники, скетчбук, пара карандашей, ластик, пакет с орешками на перекус. Хожу по квартире, собирая последние крохи — зарядку от телефона (уже нашла!), влажные салфетки, резинки для волос, которые вообще-то всегда лежат в косметичке, но я перепроверяю.

Проверяю, закрыты ли окна, выключен ли газ, не бежит ли вода. Квартира затихает, и в этой тишине я вдруг остро чувствую, что улетаю. Не просто в отпуск, а в другую реальность — где нет работы, будильников, мокрого пола от Кузиной шалости. Только море, ветер и Кристина, которая уже наверняка ждёт меня в такси внизу со своей фирменной ухмылкой.

Звонок от Кристины раздаётся, когда я уже стою в коридоре, полностью одетая, с рюкзаком за плечами и чемоданом у ног.

— Ася, я подъезжаю. Через минуту буду у твоего подъезда, — голос бодрый, но я слышу в нём ту самую предвкушающую дрожь. — Ты готова?

Делаю глубокий вдох, беру чемодан за ручку и распахиваю входную дверь.

— Родилась готовой, — отвечаю я, выходя на лестничную площадку.

Захлопываю дверь — и слышу, как замок щёлкает, отрезая меня от привычного мира. Спускаюсь по ступенькам. На улице — свежий октябрьский ветер, шуршание листвы и машина такси, уже ждущая у тротуара. Вот оно. Начало.

Крис

Марина Кацуба – под асфальт

Октябрь расписался на календаре пожухлой охрой.

Водитель припарковался у Асиного подъезда, заглушив двигатель. До вылета — четыре часа, но подруга, верная правилу «лучше перебдеть, чем улетят без нас», заказала такси с полуторачасовым запасом на дорогу. Навигатор водителя из «Яндекса» рисует зелёный маршрут без пробок, но я давно перестала спорить с Асей, когда она включает режим «генерала на выезде».

Ровно через сто двадцать секунд дверь подъезда с грохотом распахивается, и на свет божий вылетает она — с чемоданом на колёсах, который явно весит больше разрешённого, и крошечным рюкзаком-нахлебником, что вечно заменяет ей сумочку. Яркая, как фликер на тёмной дороге, дерзкая до дрожи, готовая перешагнуть через любую житейскую яму, даже не сбавив скорости.

Водитель, мужик с заботливым лицом, выкатывается наружу, ловко подхватывает её багаж и укладывает в багажник с таким видом, будто это ценная артиллерия. Мы встречаемся глазами через лобовое стекло, и я беззвучно усмехаюсь — её вечные сборы на скорости света стали нашим ритуалом, который не вытравить ни временем, ни расстоянием.

Она плюхается сзади, рядом со мной, и салон мгновенно наполняется её фирменным коктейлем: кисловатым яблочным шампунем и освежающей мятой жвачки. Рюкзак летит на колени, щёлкает ремень безопасности.

— Ладно, — произносит она с хитринкой, — я даю тебе последний шанс слиться в ближайший молл и заменить море на распродажу.

— Поздняк метаться, — парирую я, ткнув экраном телефона с загруженными посадочными. — Это ты заварила кашу, так что будь добра — доедай.

Ася заливается смехом, таксист впереди улыбается в зеркало, и мы отчаливаем от тротуара, растворяясь в жёлто-оранжевом мареве листопада. За стёклами мелькают сонные дворы, рыжие коты — как статуи — провожают нас с ленивым превосходством, а город будто сворачивается клубком в октябрьской дымке, отпуская без сожаления в чужую неделю.

Ася хватает управление музыкой через Bluetooth, и из динамиков выплывают аккорды, которые мы заучили наизусть ещё студентками. Первые ноты всегда действуют как якорь.

— Четыре часа, — щурится она на солнце, вдруг разрезавшее серую пелену. — Мы не только кофе успеем хлебнуть, но и выцепить те ароматы, что ты в прошлом месяце обнюхала в дьюти-фри.

Я киваю машинально, но взгляд прикован к шоссе, которое вытягивает нас прочь из привычной колеи — прочь от непогашенных счетов, рабочих чатов и ежедневной суеты. Где-то там, за горизонтом, плещется море, которого мы не касались три долгих года, и висит в воздухе та самая свобода, что дышит в нас обеих, но требует повода вырваться.

— Слушай, Крис… — вдруг сбавляет звук Ася, касаясь моего запястья. — Я правда рада, что ты не слилась. Я знаю, какой у тебя сейчас сумбур в голове.

Я сжимаю её пальцы, и от этого простого жеста внутри разливается что-то тёплое, будто я глотнула чая с мёдом.

— Ась, — отвечаю я, улыбнувшись, — ради этого я даже встала затемно. Это мой личный рекорд героизма.

Она фыркает, как рассерженный котёнок, возвращает громкость на полную, и мы снова замолкаем. В её облике есть что-то от осенней листвы, застигнутой врасплох первым холодным ветром. Медные волосы рассыпаны вокруг лица, как застывший вихрь, — они живут своей жизнью, подчиняясь лишь порывам воздуха, попадающего через приоткрытое окно водительской двери. Бледная кожа, усыпанная едва заметными веснушками, словно рисунок созвездий, кажется почти светящейся в полумраке салона. Её глаза — серо-голубые, глубокие и чуть отстранённые — не спрашивают и не требуют; они просто наблюдают за миром, проносящимся мимо. За окнами проплывают прощальные огни города, который ещё не знает, что обратно нас получит немного иными — с солью на коже, ветром в голове и тишиной вместо ответов.

Уже на подъезде к аэропорту мой телефон вибрирует от уведомления. Сообщение от Никиты. Ни привета, ни «как дела» — только пресное, контролирующее «Ты где?»Я сглатываю. Пальцы сами собой замирают над дисплеем. Ася, заметив мою заминку, убавляет звук.

— Это он? — спрашивает она, даже не глядя на экран. Голос спокойный, но в нём проскальзывает настороженность.

— Ага, — выдыхаю я. — Я ему ничего не говорила про поездку. Вообще ничего.

Подруга молчит пару секунд, потом качает головой:

— Вот и не пиши. Он не имеет права знать, где ты, если сам не интересуется, как ты.

Я смотрю на телефон. Экран гаснет, потом загорается снова — ещё одно уведомление. «Кристина, ответь. Почему тебя нет дома? Где твои вещи?»

В груди поднимается знакомая тяжесть. Тот самый липкий ком, который появляется всегда, когда он решает внезапно напомнить о своём существовании. Мы не виделись с того дня, как он ушёл. Не переписывались столько же. И вот — «ты где?» Без привета, без объяснений. Я отключаю звук, переворачиваю телефон экраном вниз и смотрю в окно.

— В аэропорту, — говорю я, скорее себе, чем кому-то. — Я сейчас в аэропорту. Или буду через двадцать минут.

— Правильно, скоро ты будешь регистрироваться на рейс. А Никита пусть сидит и думает, где его приветы потерялись.

Машина ныряет под бетонный козырёк съезда — за окном появляются огни аэропорта: длинные ряды фонарей, разметка парковки, стеклянные двери терминала. Навигатор приглушённо сообщает: «Вы прибыли в пункт назначения».

Таксист паркуется, я беру телефон, и он снова вибрирует — третье уведомление. «Ты игнорируешь меня?» Я не открываю, просто убираю его в карман куртки, выхожу из машины и втягиваю холодный октябрьский воздух, полный запаха керосина, свободы и первого вдоха без оглядки.

Глава 2

Крис

XOLIDAYBOY — Пожары

Стеклянные двери разъезжаются с тихим шипением, и нас накрывает аэропортовская суета — объявления по громкой связи, перестук колёс чемоданов по плитке, чужая речь, обрывки разговоров. Пахнет кофе, пластиком и дорогой. Здесь все куда-то бегут, и никто не смотрит на тебя с вопросом.

— Давай сдадим багаж, — говорит Ася, беря меня под локоть.

— И кофе. Не знаю, как тебе, но мне нужен кофе, чтобы не убить кого-нибудь до посадки.

Я киваю. Пальцы сами собой нащупывают в кармане куртки телефон — он тёплый, будто живой. Там, за экраном, Никита. Три непрочитанных сообщения. Я чувствую их тяжесть, как чувствуют незакрытую дверь в комнате.

— Он написал? — Ася заглядывает мне в лицо.

— Да. Последнее — «Ты игнорируешь меня?»

— Господи, — выдыхает она. — Как будто ты ему должна отчёт за дыхание.

Я останавливаюсь у стойки регистрации. Девушка в синем шарфе улыбается профессиональной улыбкой:

— Паспорта, пожалуйста. И посадочные.

Я протягиваю документы вслед за Асей. Мои руки не дрожат — это важно. Я замечаю это и чувствую странную гордость. Внутри всё сжато, как пружина, но внешне — спокойствие. Даже какое-то чужое, примеренное спокойствие, как новая куртка.

— Места A, B, ряд 14, — сообщает девушка. — Выход на посадку через час. Приятного полёта.

Я беру посадочный, и в этот момент карман снова оживает. Короткая вибрация — четвёртая. Я не вынимаю телефон, просто кладу ладонь сверху, чувствуя вибрацию пальцами, будто он бьётся в агонии.

— Не смей, — тихо говорит Ася. — Слышишь меня? Не смей открывать.

— Я не буду, — отвечаю я, и в голосе звучит твёрже, чем я ожидала.

Мы идём в кафе. Я заказываю любимый чёрный американо, сажусь у панорамного окна. За стеклом — тусклый бетон лётного поля, самолёты с хищными носами, трапы. Жёлтые огни бегают по полосе, будто ищут что-то. Или кого-то.

Я смотрю на телефон. Он лежит на столе экраном вверх, как живое искушение. Четыре уведомления от Никиты. Я могу прочитать только начало последнего — оно обрывается на полуслове: «Кристина, если ты не ответишь, я…» Дальше не видно.Я снимаю очки, протираю стёкла — хотя они чистые, просто нужно чем-то занять руки, — и снова смотрю на телефон. Ася наблюдает за мной поверх своей чашки.

— Хочешь, я возьму его и выкину в урну? — она улыбается, но в глазах серьёзность.

— Хочу, — говорю я, и мы обе смеёмся. Впервые за вечер.

Но я не отдаю телефон. Я беру его, разблокирую. Пальцы замирают над экраном. Я вижу четыре сообщения:«Ты где?»«Кристина, ответь. Почему тебя нет дома? Где твои вещи?»«Ты игнорируешь меня?»«Если ты не ответишь, я приеду к тебе домой и…»

И тут я делаю то, чего не делала никогда. Я не удаляю его. Не блокирую. Просто нажимаю «прочитать всё», чтобы убрать эти красные значки, заставляющие сердце биться чаще, — и убираю телефон в самую глубокую часть рюкзака. Туда, где лежат паспорт и билеты до Белграда.

А в Белграде нас ждёт пересадка до небольшого городка Тиват в Черногории.

Самолёт, который повезёт нас в Белград, уже подогнали к терминалу. Он небольшой, авиакомпании Air Serbia, с тихим двигателем и аккуратными крыльями. Я вспоминаю картинки Тивата из интернета: бирюзовая вода, горы, упирающиеся в небо, маленькая набережная, по которой ходят кошки и яхты. Я не была там никогда. Никита не любил море — говорил, что от него пахнет рыбой и ленью. Мы ездили на дачу. Все три года — только на дачу.

— Объявляется посадка на рейс JU 363 до Белграда, — голос диктора мягко разрезает шум. — Посадка начинается с пассажиров первого класса и пассажиров с детьми. Выход номер 7.

Я протягиваю посадочный. Сканер пищит — зелёный свет. Рука девушки в синей форме указывает в рукав телетрапа. Я иду по этому коридору, и каждый шаг отдаётся в груди эхом. Я оставляю позади терминал «Пулково», пыльный город, вечно хмурое небо и человека, которого я боялась отпустить, а теперь боюсь не отпустить.В салоне пахнет стерильным воздухом и новой обивкой кресел. Наши места — 14A и 14B, у иллюминатора.

Я сажусь к окну, Ася рядом. Она тут же достаёт наушники и протягивает мне один:

— Будешь?

Я мотаю головой. Я хочу слышать. Слышать, как закрываются двери, как стюардесса показывает движения спасательных жилетов, как набирает обороты двигатель. Мне нужно зафиксировать этот момент: момент, когда я становлюсь просто собой.Люди рассаживаются. Пожилая пара с книгой, парень с гитарным чехлом, девушка, которая плачет, прижимая к уху телефон. Я смотрю на неё и понимаю — я могла быть ею. Я могла сейчас рыдать в трубку, умолять простить меня, оправдываться. Но вместо этого я сижу, пристёгнутая ремнём, и смотрю, как за окном бегают заправщики.

— Приготовьтесь к взлёту, — голос пилота раздаётся из динамиков. — Экипажу занять свои места.

Я закрываю глаза. Двигатель начинает гудеть нарастающей волной, и я чувствую, как эта вибрация поднимается от пола, проходит через кресло, пронизывает позвоночник. Самолёт медленно выруливает на полосу. Я вижу краем глаза, как за окном проносятся огни — зелёные, белые, красные. Как будто кто-то раскладывает светофор для моей новой жизни.

Ася касается моей руки:

— Всё будет хорошо.

Я киваю. В этот момент самолёт разгоняется. Я вжимаюсь в спинку кресла, чувствуя, как сила притяжения давит в грудь. Земля уходит из-под колёс — резко, рывком, так что внутри что-то переворачивается. Мы отрываемся. Я смотрю вниз, на Питер, который всё уменьшается. Дома становятся спичечными коробками, река — серой лентой.

Я ещё не знаю, какой будет Черногория, будет ли квартира, которую мы нашли с видом на залив, и сколько продлится свобода. Но впервые за три года я дышу. По-настоящему. Не в такт чужим вопросам и не задерживая воздух от страха.

Самолёт входит в зону турбулентности, и меня слегка потряхивает. Я улыбаюсь. Мне нравится эта дрожь. Она честная — в отличие от той, что билась в моих руках в такси.

Через три часа будет Белград. А потом — Тиват, солёный ветер и ни одного непрочитанного сообщения, от которого сводит живот. Я закрываю глаза и разрешаю себе уснуть под гул двигателей.

Я лечу. Я наконец-то лечу.

В кармане рюкзака лежал телефон. Я знала, что там — ещё два сообщения от Никиты. Но я не открывала их. Я смотрела в иллюминатор на облака и думала: завтра будет море. А всё остальное — подождёт.

Ася

Просто Лера – Быть любимым

Салон самолёта мерно гудит, смешиваясь с ровным дыханием спящей подруги. Я смотрю на Крис — на пепельные пряди, упавшие на закрытые глаза, на линию челюсти, которую даже во сне не покидает лёгкая надменность. Я смотрю на дремлющую подругу и не понимаю, как она нашла себе такого мудака. Она открытая, яркая, запоминающаяся. Её короткая, дерзкая, почти мальчишеская стрижка выкрашена в оттенок светлого пепла. Пряди слегка растрепаны, небрежно спадают на лоб, обрамляя лицо и придавая облику оттенок лёгкого бунтарства. На груди, словно символ свободы, красуется татуировка — библейский шестикрылый серафим, от которого к плечам разбегаются ветвистые, острые, колючие линии, напоминающие терновник. Вся левая рука тоже покрыта татуировками. Её любовь к большому количеству колец и цепей — отдельная изюминка личности. Она спит, положив голову мне на плечо. Её татуированная левая рука расслабленно лежит на подлокотнике, и в иллюминатор льётся холодный свет, делая контуры рисунков особенно чёткими. Цепи на запястье тихо звенят при каждом толчке воздуха. Внезапно самолёт слегка тряхнуло. Она вздрогнула, не открывая глаз, и её пальцы инстинктивно сжали мой локоть. В этом жесте — такая отчаянная потребность в опоре, что у меня сжимается сердце. Я накрываю её холодную, унизанную кольцами руку своей ладонью. Она чувствует тепло и чуть заметно улыбается, всё ещё во сне.

Через иллюминатор уже видно, как внизу расплывается серо-зелёная мозаика пригородов. Белград.

Я смотрю на её распахнутую куртку, где под тонкой тканью топа угадываются острые крылья серафима, и думаю: «Как же ты смогла выбрать человека, который делает эти крылья обрезанными?» Но я молчу. Она проснётся через минуту, когда шасси коснутся полосы.

И я улыбнусь в ответ, потому что главное — что она здесь. И что у нас есть целая неделя, чтобы напомнить ей: терновник — это не только боль, но и защита. А серафим — не просто татуировка. Это напоминание о том, что она, чёрт возьми, способна гореть, не сгорая. Даже если для этого придётся сжечь все мосты.

Самолёт заходит на посадку. Я чувствую, как давление меняется в ушах. Она открывает глаза — мутные, сонные, но уже с искоркой.

— Долетели? — хрипло спрашивает она.

— Почти, — отвечаю я, кивая на иллюминатор, где уже видна бетонка аэропорта Никола Тесла. — Видишь? Земля обетованная.

Она смотрит туда, и на её губах появляется та самая дерзкая улыбка, которую я так люблю. Она поправляет тяжёлые цепи на шее так, будто надевает доспехи.

Шасси с глухим ударом касаются полосы. Колёса взвизгивают, двигатели реверсируют, и мир за окном начинает стремительно замедляться. Мы в Белграде. Она сжимает мою руку в ответ.— Спасибо, что вытащила меня, — тихо говорит она, и в этом «спасибо» слышится всё: и боль, и надежда, и обещание.

Я ничего не отвечаю. Я просто смотрю, как за окном проплывает здание аэропорта, и думаю, что этот маленький отпуск, возможно, станет для неё тем самым временем, когда терновник снова превратится в цветущую ветвь. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Глава 3

Крис

Глеб Калюжный – Закрывай на секунду глаза

Белград встречает нас серым октябрьским утром, приправленным запахом сырости и выхлопных газов. Мы выходим из самолёта, и я чувствую, как воздух здесь другой — более плотный, с нотками кофе и табака, будто сам город курит, прислонившись к подоконнику.

Аэропорт Никола Тесла меньше Пулковского, но суеты здесь не меньше. Люди снуют туда-сюда с тележками, дети носятся между стоек, где-то громко играет музыка — кажется, местное радио. Я останавливаюсь на мгновение, чтобы перевести дух.

— Три часа до вылета в Тиват, — говорит Ася, сверяясь с телефоном. — Успеем перекусить и даже погулять по дьюти-фри. Но сначала — кофе. Я умру без кофе.

Я улыбаюсь. Мы идём через стеклянный коридор, и я разглядываю витрины, заваленные сувенирами. Колокольчики, магниты с изображением знаменитой Белградской крепости, бутылки ракии с крошечными стаканчиками в комплекте. Всё такое яркое, настоящее. Не виртуальное.

— Смотри, — я тычу пальцем в витрину, где стоит керамическая фигурка кота с удивлёнными глазами. — Он точно твой.

Ася останавливается, прижимается носом к стеклу и смеётся:

— Господи, это же Кузя в молодости! В смысле, до того как облысел и начал требовать рыбу по расписанию.

— Надо купить, — говорю я, и в голосе звучит что-то новое — лёгкость. — Чтоб он котовился и ждал твоего возвращения.

Ася закатывает глаза, но я вижу, что ей приятно. Она открывает кошелёк, и через минуту мы выходим из магазинчика с пакетом, где звенит тот самый керамический кот.

— Он будет стоять у меня на тумбочке, — говорит Ася, бережно прижимая пакет к груди. — И напоминать, что я способна совершать спонтанные покупки без чувства вины.

Мы находим кафе с пластиковыми столиками, заказываем кофе и бутерброды. Я сажусь лицом к окну и наблюдаю за взлетающими самолётами. Они отрываются от земли, как гигантские птицы, и я ловлю себя на мысли, что завидую им. Они знают, куда летят. А я — пока нет. Но это перестаёт пугать.

— Знаешь, — говорит Ася, откусывая бутерброд, — я в Белграде была один раз. Студенткой. Мы тогда ездили на студенческий фестиваль. Ночью гуляли по набережной, пили пиво, слушали уличных музыкантов. Я влюбилась в этот город за одну ночь. Он какой-то… живой. Несмотря на всю свою историю.

— Он был другим? — спрашиваю я, хотя понимаю, что вопрос глупый.

— Другим, — кивает Ася. — Но я тоже была другой. Мы все были другими. — Она смотрит на меня поверх чашки. — И это нормально. Люди меняются, города меняются. Главное — не оставаться на месте, когда всё внутри уже тянет в другую сторону.

Я смотрю на её руку — ту, что сжимает чашку. На запястье тонкий браслет из чёрного шнурка с маленькой серебряной бусиной. Она его никогда не снимает, сколько я помню. Подарок матери, кажется.

— А ты веришь, что можно измениться за одну неделю? — спрашиваю я, и голос звучит тише, чем я хотела.

Ася молчит несколько секунд, потом ставит чашку на стол и смотрит на меня серьёзно.

— За неделю — нет. Но за неделю можно понять, в какую сторону меняться. И это уже много.

Я киваю. Где-то внутри меня что-то щёлкает — как будто замок, который я не могла открыть годами, наконец поддаётся.

— Пойдём посмотрим на город, — вдруг говорит Ася. — У нас ещё два с половиной часа. Такси до центра — пятнадцать минут.

— А как же регистрация? — удивляюсь я.

— Мы зарегистрированы онлайн, багаж сдали. Нам нужно только быть в аэропорту за час. — Она подмигивает. — Я уже всё проверила. Доверься мне.

В это мгновение в груди разливается тепло. Мысль о том, чтобы выйти из аэропорта, вдохнуть настоящий воздух другого города, увидеть улицы, где на каждом углу история, — эта мысль пьянит.

— Едем, — говорю я.

Мы ловим такси. Водитель — седой мужчина с усталыми глазами, но он улыбается, когда слышит, что мы говорим по-русски. Он включает радио, и из динамиков льётся что-то медленное, балканское. За окном проплывают серые здания, обклеенные афишами, маленькие кафе с выдвижными стульями, старушки с авоськами, огромные, как корабли, троллейбусы.

— Это Кнез Михайлова, — говорит водитель, когда мы въезжаем на широкую пешеходную улицу. — Тут гулять хорошо. Туристы любят.

Мы выходим, и я замираю. Улица вымощена светлым камнем, и он блестит от утренней влаги. Здания — нарядные, с лепниной, с балконами, где ещё висит бельё. Где-то играет уличный музыкант, и его мелодия плывёт над мостовой, смешиваясь с шумом города.

— Вот это да, — шепчу я.Ася улыбается и берёт меня под руку.

— Я говорила. Живой город.

Мы идём вдоль витрин, заглядывая в окна антикварных лавок. Там, за стеклом, старые часы, фарфоровые куклы, пожелтевшие книги. Я останавливаюсь у одной витрины, снимаю очки, прижимаюсь лбом к стеклу, и мне кажется, что я вижу своё отражение, наложенное на старый город — расплывчатое, как воспоминание о себе прежней. Ася стоит рядом, молчит. Она знает, когда не надо говорить.

— Знаешь, — говорю я, не отрывая взгляда от витрины, — когда я была маленькой, я хотела стать архитектором. Чтобы строить дома, которые выглядят как эти. Тёплые, с историей, с балконами, где можно сидеть и смотреть на закат.

— Почему не стала? — спрашивает Ася.

— Потому что Никита сказал, что архитектура — это «пыль и чертежи». Он говорил, что у меня нет математического склада ума. Что я гуманитарий, и моё место — это что-то связанное со словами. Я поверила.

Ася поворачивает меня к себе. Её глаза — серо-голубые, серьёзные.

— Слушай меня, Крис. Ты поверила одному человеку, который не верит в тебя. Это не значит, что ты не способна. Просто он заставил тебя забыть, какая ты есть.Я сглатываю.

— А если я забыла?

— Тогда мы найдём, — говорит Ася просто, и в этой простоте — целая вечность.Мы идём дальше. Выходим к площади, где стоит памятник князю Михаилу на коне. Вокруг летают голуби, сидят старики на скамейках, кто-то продаёт кукурузу с тележки. Запах варёной кукурузы смешивается с запахом осени, и я вдруг остро чувствую, как я жива.

— Крис, — зовёт Ася. — Пойдём к крепости. Там видно весь город.

Мы поднимаемся по каменной лестнице. За каждым поворотом открывается новый вид — сначала крыши, потом река, потом мосты, огромные и лёгкие, как паутина.

Наверху дует ветер. Он треплет мои волосы, и я закрываю глаза, подставляя лицо солнцу. Когда открываю, вижу внизу Саву и Дунай — они сливаются в одной точке, и это похоже на то, что происходит внутри меня. Две реки, две жизни, которые встречаются, но не смешиваются.

— А знаешь, — говорю я, не оборачиваясь, — я, наверное, впервые за три года чувствую, что могу дышать полной грудью. В Питере мне всегда казалось, что не хватает воздуха. Что я задыхаюсь. А здесь — даже воздух другой.

Ася подходит, встаёт рядом.

— Это потому что ты сняла ошейник, — говорит она тихо, почти шёпотом. — Ты не обязана быть чьей-то тенью. Ты можешь быть просто Крис.

— Просто Крис, — повторяю я, и это звучит как имя, которое я давно забыла.Мы стоим на крепостной стене, и ветер играет с моими волосами, и я чувствую, как внутри что-то отпускает. Как будто я долго держала что-то в руках, а теперь разжала пальцы.

— Нам пора, — говорит Ася, глядя на часы. — У нас ещё час до вылета. Успеем.Я киваю, и мы спускаемся. По пути я замечаю старую женщину, которая продаёт маленькие букетики сухих цветов. Они уже не живые, но сохранили цвет — яркий, оранжевый. Я останавливаюсь и покупаю один.

— Зачем? — удивляется Ася.

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Чтобы было что взять с собой. Кроме воспоминаний.

В такси мы молчим. Я сжимаю в пальцах сухие стебли, и они пахнут осенью и чем-то горьким. Но я знаю, что этот запах останется со мной. Буду вспоминать.В аэропорту мы проходим досмотр, и я чувствую, как меняется настроение. Теперь уже не просто спонтанное путешествие. Теперь — что-то большее. Я уезжаю не от Никиты. Я уезжаю к себе.

— Сейчас мы сядем на самолёт, и через час будем в Тивате, — говорит Ася, когда мы уже стоим у выхода. — Оттуда — такси до Рисаня, наша квартира с видом на залив. Готова?

Я делаю глубокий вдох.

— Готова.

Ася

Комната культуры, Женя Трофимов — море

Самолёт до Тивата — крошечный, как игрушечный, с одним рядом по левую сторону и двумя — по правую. Мы поднимаемся по трапу, и я замечаю, что внутри почти никого. Только несколько пассажиров — мужчина с кожаным портфелем, пара пожилых туристов, девушка с огромным рюкзаком, которая тут же засыпает, едва усевшись в кресло.

Мы занимаем свои места. Я сажусь у окна, Кристина — рядом. Самолёт взлетает легко, почти бесшумно, и за окном расплываются серые облака. Через минуту мы прорываемся сквозь них, и я вижу солнце — настоящее, яркое.

— Смотри, — я киваю подруге на иллюминатор. — Над облаками всегда солнце. Даже если внизу дождь.

Кристина смотрит, и на её лице появляется то самое выражение, которое я так хотела увидеть — беззащитная надежда.

— Как красиво, — шепчет она. — Почему мы раньше не летали вместе?

— Потому что ты была занята — быть правильной, удобной. А я — быть той, кого все забывают. Но теперь мы здесь, и это главное.

Она касается моей руки, и я чувствую, что она благодарна.

— Спасибо, что вытащила меня, — говорит она тихо, как тогда в такси, но теперь в этих словах меньше боли, больше спокойствия.

Я сжимаю её ладонь:

— Я бы тебя и из-под земли достала, если бы надо было.

Полет длится чуть больше часа. Я смотрю в иллюминатор и вижу, как внизу появляются горы — черногорские, острые, как зубья старого замка. А между ними — бирюзовое море. Оно переливается на солнце, и кажется, что оно дышит.

— Мы почти прилетели, — говорю я, и в голосе звучит предвкушение. — Внизу — Бокская бухта. Это, наверное, самое красивое место на земле.

Кристина прижимается лицом к стеклу, и я вижу, как её глаза расширяются. Она смотрит на горы, уходящие прямо в воду, на крошечные города, разбросанные вдоль побережья, на белые яхты, похожие на чаек.

— Это нереально, — шепчет она. — Как на открытке.

— Реально, — улыбаюсь я. — И мы здесь. Всё настоящее.

Самолёт заходит на посадку, и я слышу, как Кристина задерживает дыхание. Мы приземляемся на маленькую бетонную полосу, окружённую горами. За окном — пальмы, белые домики, синее-синее небо.

— Добро пожаловать в Тиват, — говорю я.

Мы выходим из самолёта, и нас накрывает тепло — не летнее, но мягкое, октябрьское. Пахнет морем, хвоей и чем-то сладким — может быть, местные фрукты. Я делаю глубокий вдох и чувствую, как этот запах наполняет меня изнутри, вытесняя остатки усталости от перелёта. Мои медные волосы развеваются на ветру, и я не пытаюсь их убрать — мне нравится чувствовать, как они касаются моего лица, как ветер играет с ними. На моей бледной коже, усыпанной веснушками, появляется лёгкий румянец от этого тёплого воздуха.

— Здесь даже дышится иначе, — говорит Кристина, вдыхая полной грудью. Её руки, унизанные кольцами, касаются лица, и я вижу, как она закрывает глаза, подставляя лицо солнцу. На её левой руке, покрытой татуировками, поблёскивают цепи, и я слышу, как они тихо звенят при каждом движении. Её короткие пепельные волосы, ещё влажные после сна, небрежно обрамляют лицо, и я замечаю, как она проводит по ним рукой — привычный жест, который она делает, когда успокаивается.

— Да, — соглашаюсь я, чувствуя, как ветер касается моего лица. — Здесь не нужен кислород. Здесь всё само собой.

В аэропорту Тивата — крошечном, почти сельском — нас встречает табличка с именем Кристины. Хозяин квартиры, старый черногорец Милош, ждёт нас с улыбкой. Он такой же, как его страна, — тёплый, спокойный, с морщинами у глаз, которые говорят о том, что он много улыбался в своей жизни. Его руки, покрытые старческой пигментацией, бережно берут наши чемоданы. На нём простая льняная рубашка, выцветшая от солнца, и старые джинсы. Он пахнет табаком и морем — тем особым запахом, который въедается в кожу, когда живёшь у воды.

— Добро пожаловать, девочки, — говорит он на ломаном русском, и его голос звучит как скрип старой лодки — тёплый, немного хрипловатый. — Машина ждёт.

Мы загружаем вещи в его старенький мерседес. Машина пахнет старой кожей, бензином и чем-то сладким — может быть, мёдом или местным рахат-лукумом. Я сажусь на заднее сиденье рядом с Крис, и мои руки, которыми я рисую, сжимают ремень безопасности. Я чувствую, как мои пальцы, тонкие и длинные, слегка дрожат от предвкушения. Я смотрю на Крис и вижу, как она трёт глаза тыльной стороной ладони, как цепи на её запястье тихо звенят. Под глазами у неё залегли тени, и я понимаю — она на пределе. Она устала. Не просто от перелёта — от последних месяцев. От всех этих лет.

Милош заводит двигатель, и машина мягко трогается с места. Мы выезжаем из аэропорта, и за окном проплывают первые пейзажи Черногории — белые домики с красными черепичными крышами, пальмы, кипарисы, устремлённые в небо, как зелёные свечи. Солнце уже начинает клониться к закату, и всё вокруг окрашивается в золотой цвет. Я смотрю на Крис и вижу, как свет играет на её лице, на её татуировках, на её пепельных волосах. Но я вижу и другое — как она борется с усталостью, как её глаза становятся тяжелее, как она сжимает руки в кулаки, пытаясь не провалиться в сон.

— Всё здесь такое… другое, — говорит она, глядя в окно. — Даже свет. Он будто мягче. Как будто солнце здесь знает, что нужно людям.

Но в её голосе звучит усталость, и я чувствую, как она пробивается сквозь слова. Я знаю эту усталость — она не от перелёта. Она от всего, что она оставила в Питере. От Никиты. От той жизни, где она была тенью. Я вижу, как её руки, унизанные кольцами, сжимаются в кулаки, как она пытается держаться.

— Знает, — киваю я, но в моём голосе — беспокойство. — Ты в порядке? Выглядишь уставшей.

— Всё нормально, — отвечает она, и я слышу фальшь в её голосе. — Просто перелёт. Мне нужно что-то бодрящее. Кофе или...

Она замолкает, и я вижу, как она резко подаётся вперёд, прижимаясь лицом к стеклу. Её руки, унизанные кольцами, касаются стекла машины, и я слышу, как цепи на запястье тихо звенят. Она смотрит на что-то на обочине, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть — маленький магазинчик, невзрачное белое здание с синей вывеской, перед которым стоят несколько автомобилей. Над входом висит пластиковая табличка с надписью на сербском, но я вижу в витрине знакомые банки.

— Милош, можно остановиться? — просит Крис, и в её голосе звучит та самая настойчивость, которая появляется, когда она хочет что-то получить. — Пожалуйста. Мне нужно купить энергетики. Я без них просто не выживу. У меня голова раскалывается, и я чувствую, что сейчас отключусь.

Я смотрю на неё и вижу, как её пальцы, унизанные кольцами, дрожат. Она действительно на грани. Я знаю эту её зависимость — она пьёт энергетики уже несколько лет, с тех пор как начала работать на износ, пытаясь угодить Никите. Тогда это были долгие ночи, когда она задерживалась на работе, чтобы доказать что-то ему и себе. А теперь это стало привычкой — её способом держаться на плаву. Я не одобряю это, но я понимаю.

Милош улыбается в зеркало заднего вида, и его морщинистое лицо становится ещё добрее. Он кивает и плавно тормозит у обочины.

— Конечно, девочка. Я подожду.

Крис открывает дверцу и почти вылетает из машины. Её короткие пепельные волосы развеваются на ветру, и я вижу, как она почти бежит к магазину. Я смотрю ей вслед, и в моей груди — смесь беспокойства и нежности. Она всегда такая — когда ей что-то нужно, она не может ждать. Это часть её. Часть той Крис, которую Никита пытался сломать.

— Извините, — говорю я Милошу. — Она всегда такая. Когда ей нужно что-то, она не успокоится, пока не получит.

Милош смеётся, и его глаза, окружённые морщинами, становятся ещё добрее.

— Ничего, — говорит он. — Это хорошо — знать, чего хочешь. Многие люди всю жизнь не знают.

Я смотрю на магазин и вижу, как Крис влетает внутрь. Её фигура мелькает за стеклом, и я вижу, как она подходит к холодильнику, как её руки, унизанные кольцами, хватают банки. Она берёт несколько — я вижу, как она сжимает их, как будто это спасение. И в каком-то смысле так оно и есть. Для неё это не просто напиток. Это способ чувствовать себя живой. Способ не провалиться в ту тёмную яму, которая ждёт её, когда она слишком устаёт, чтобы бороться.

Через несколько минут она выходит из магазина с пакетом в руках. На её лице — облегчение, почти счастье. Её руки, унизанные кольцами, сжимают пакет, и я вижу, как она улыбается — той самой улыбкой, которая появляется, когда она получает то, что хотела.

Я выхожу из машины и скрещиваю руки на груди, глядя на неё с лёгкой укоризной. Мои медные волосы развеваются на ветру, и я чувствую, как они касаются моего лица.

— Ты как ребёнок, которому нужна конфета, — говорю я, и в моём голосе — смех. — Не могла подождать до квартиры?

— Не могла, — честно отвечает она, протягивая мне пакет. — Держи. Я положу их в холодильник, когда мы приедем. Мне нужно, чтобы они были холодными. Иначе они не работают.

— Они вообще не работают, — фыркаю я, но беру пакет. — Тебе нужен нормальный отдых, а не химия. Ты же знаешь, что это не полезно.

— Отдых будет, — обещает она, садясь обратно в машину. — Сначала энергетик. Потом море. Потом отдых.

Я сажусь рядом с ней и вижу, как она открывает одну банку прямо в машине — с тихим шипением, с запахом химических ягод и кофеина. Она делает глоток, и я вижу, как её лицо расслабляется, как напряжение уходит из плеч. Она закрывает глаза на мгновение, и я знаю — сейчас кофеин начнёт действовать, и она снова станет той Крис, которую я знаю. Дерзкой, живой, готовой к приключениям.

— Лучше? — спрашиваю я, хотя уже вижу ответ.

— Лучше, — кивает она, и я вижу, как её руки, унизанные кольцами, перестают дрожать. — Теперь я готова к новому миру.

Милош трогается с места, и мы продолжаем путь. Машина въезжает в узкие улочки Рисаня. Дома здесь старые, каменные, с деревянными ставнями и балконами, увитыми плющом. Где-то играет музыка, и я слышу, как кто-то поёт — негромко, по-своему. Пахнет жареным мясом и лавандой. Я вижу, как Крис смотрит в окно, как она прижимается к стеклу, впитывая каждую деталь. Она делает ещё один глоток энергетика и улыбается — той улыбкой, которую я не видела в ней три года.

Милош паркуется у старого каменного дома. Он стоит на небольшом возвышении, и я вижу, как за его спиной открывается залив — спокойный, золотой, переливающийся в лучах заката. Я выхожу из машины и чувствую, как ветер касается моего лица, играет с моими медными волосами.

— Добро пожаловать домой, — говорит Милош, протягивая ключи Крис.

Она берёт их, и я вижу, как её руки, унизанные кольцами, слегка дрожат — но теперь не от усталости. От волнения. От предвкушения. Её короткие пепельные волосы касаются лица, и она смотрит на дом — старый, с облупившейся штукатуркой, но такой уютный и настоящий.

Мы поднимаемся по скрипучей лестнице. Ступени старые, каменные, и я чувствую, как мои ноги касаются их, как ветер доносит запах моря. Крис открывает дверь и замирает на пороге. Я вижу, как её рука, сжимающая ключи, опускается. Она делает шаг вперёд — медленно, осторожно, как будто боится нарушить что-то. Солнечный свет заливает старый паркет и белые стены. На подоконнике лежит сухой лавандовый веник, и запах этого города — моря, соли, камней и тишины — уже въелся в стены.

Крис подходит к окну, и я вижу, как у неё дрожат плечи. Всего на мгновение. А потом она выдыхает — долго, как будто несла этот воздух через всю дорогу. Через весь аэропорт. Через все эти годы, когда она боялась даже подойти к окну и увидеть небо.Я прохожу в маленькую кухню. Она такая же старая, как и весь дом — с деревянными шкафами, керамической раковиной, старой плитой. Холодильник стоит в углу — белый, с круглыми ручками, такой же старый, как и всё вокруг. Я ставлю пакет на стол и поворачиваюсь к Крис.

— Иди сюда, — зову я её. — Давай разложим твои сокровища.

Она подходит ко мне, и я вижу, как она смотрит на банки в пакете, как на что-то священное. Я открываю холодильник, чувствуя, как холод касается моего лица, и начинаю доставать банки одну за другой, передавая их Крис.

— Клади, — говорю я, протягивая ей банку. — Аккуратно.

Она берёт их и раскладывает на полки — медленно, почти ритуально. Я смотрю, как она касается каждой банки, как её руки, унизанные кольцами, двигаются плавно и уверенно. Её

татуировки — тонкие линии цветов и цитат — будто оживают в этом холодном свете. Когда она заканчивает, я закрываю холодильник и поворачиваюсь к ней.

— Ты серьёзно? — спрашиваю я, и в моём голосе — смех. — Ты приехала в Черногорию и первым делом забиваешь холодильник энергетиками?

— Это моя слабость, — отвечает она, и я вижу, как она улыбается — слегка виновато, но с вызовом. — Но я обещаю, что завтра мы купим нормальную еду. Овощи, фрукты, сыр. Всё, что ты захочешь. А сегодня — я просто хочу чувствовать себя живой.

Я качаю головой, но я не могу злиться на неё. Я вижу, как её глаза, серо-голубые, сияют, как на её лице появляется та улыбка, которую я так хотела увидеть. Она живая. Она здесь. И это главное.Я подхожу к ней и обнимаю её, чувствуя, как она прижимается ко мне. Её руки, унизанные кольцами, сжимают мои плечи, и я слышу, как она шепчет:

— Спасибо, что ты есть.

— Всегда, — отвечаю я, чувствуя, как тепло её тела передаётся мне.

Мы выходим на веранду. Я сажусь на старый деревянный диванчик, застеленный пледом, и поджимаю под себя ноги. Крис садится рядом, и я вижу, как она держит в руках банку энергетика — уже почти пустую. Она смотрит на залив, который начинает темнеть, и я вижу, как в её глазах отражаются первые звёзды.

— Я хочу запомнить этот день, — говорит она, и в её голосе — обещание. — До последней секунды.

— Запомни, — киваю я. — Мы ещё будем смеяться над ним через десять лет.

Она закрывает глаза и вдыхает. Воздух пахнет солью, можжевельником и свободой. Я смотрю на неё, на её профиль, освещённый закатом, на татуировки, которые она так долго прятала, на её улыбку — и я знаю, что этот момент останется с нами навсегда.

— Ася, — говорит она, и я поворачиваюсь к ней. — Спасибо, что вытащила меня.

— Не за что, — отвечаю я, и я чувствую, что это правда. — Ты бы сделала то же самое.

Она улыбается, и я знаю — мы обе это знаем. Мы бы сделали всё друг для друга. И это самое важное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.